

Казанская лингвистическая школа.

И.А. Бодуэн де Куртенэ

Второй оригинальной русской языковедческой школой в истории языкознания считается Казанская лингвистическая школа, которая сформировалась в Казанском университете в 70 – 80-е годы XIX в. Ее основателем был выдающийся русский и польский языковед Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845 – 1929). Казанская школа возникла в рамках младограмматического течения, ее теоретические установки во многом совпадали с основными положениями современного ей младограмматизма. Вместе с тем с самого начала Казанская школа стала восприниматься как оригинальная школа языкознания. По свидетельству ученика Бодуэна де Куртенэ по Петербургу Л. В. Щербы, Бодуэн не был ничьим учеником, не принадлежал ни к какой школе и всю свою жизнь по всем решительно вопросам занимал собственную, нетрафаретную позицию. Стремление Бодуэна де Куртенэ творчески подойти к решению языковедческих проблем нашло понимание и поддержку лингвистов Казанского университета. Среди них такие известные языковеды, как Николай Вячеславович Крушевский (1851 – 1887), Василий Алексеевич Богородицкий (1857 – 1941), Сергей Константинович Булич (1859 – 1921) и др. Именно представители Казанской лингвистической школы – Бодуэн де Куртенэ и Крушевский – дают мировому языкознанию первую формулировку фонологической теории, к которой восходит фонологическая концепция Н. С. Трубецкого. К идеям этой школы восходят и некоторые положения лингвистической теории Ф. де Соссюра, который считал, что Бодуэн де Куртенэ и Крушевский ближе других подошли к теоретическому осмыслению языка, не выходя при этом за пределы чисто лингвистического рассмотрения.

Стремление к теоретическим обобщениям, к построению научных абстракций, к философскому осмыслению языковых проблем выгодно отличало Казанскую школу от эмпиризма лейпцигских младограмматиков. Психологизм как один из компонентов философии языка младограмматиков в Казанской школе носит свой особый характер, отличный от психологизма ортодоксальных младограмматиков. Признавая язык психическим явлением, представители Казанской школы вместе с тем достаточно последовательно подчеркивали и социальную обусловленность языка. Наиболее ярко взгляды Казанской лингвистической школы воплотились в концепции ее основателя – Бодуэна де Куртенэ.

Бодуэн де Куртенэ родился в Польше. Как показывает его фамилия, его предки по отцовской линии были французы, переселившиеся в начале XVIII века в Польшу. Большую часть своей жизни Бодуэн провел и работал в России. В 1862 – 1866 гг. он учился в Варшавской школе, где изучал славянские языки и овладел литовским языком. В 1867 г. он учился в Праге, слушал лекции А. Шлейхера в Иене, в Берлине занимался санскритом. В

1868 г. Бодуэна направили на два года в Петербург, где он проходил подготовку в Петербургском университете под руководством И. И. Срезневского. В 1870 г. Бодуэн в Петербурге защитил магистерскую диссертацию «О древнепольском языке до XIV столетия» и стал читать лекции по сравнительной грамматике индоевропейских языков. С 1872 г. Бодуэн три года провел за границей, в Австрии и Италии, где изучал говоры словенского языка. В 1875 г. Бодуэн получил степень доктора сравнительного языкознания за диссертацию «Опыт фонетики резьянских говоров». В дальнейшем он поочередно работал в пяти университетах: Казанском (1875 – 1883), Юрьевском (Тартуском) (1883 – 1893), Краковском (1894 – 1900), Петербургском (1901 – 1918) и Варшавском (1918 – 1929), в последний он переехал после получения Польшей независимости. В 1897 г. Бодуэн был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Бодуэн де Куртенэ свободно владел многими языками – русским, польским, немецким, французским, литовским, итальянским, хорошо знал чешский, эстонский, латышский и другие языки. Свои многочисленные работы он писал почти на всех европейских языках. Общего труда с изложением своих лингвистических взглядов Бодуэн не оставил. Наиболее известными его работами являются: «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» (1871), «Опыт теории фонетических альтернатив» (1895), «Языкознание, или лингвистика, XIX века» (1901), «Лингвистические заметки и афоризмы» (1903), «Введение в языкознание» (1917). Фактически, помимо Казанской, Бодуэн является основателем Петербургской и польской школ в языкознании. Его наиболее известными учениками и последователями по Петербургу являются Л. В. Щерба (1880 – 1944), Е. Д. Поливанов (1891 – 1938), Л. П. Якубинский (1892 – 1945) и др., по Польше – В. Дорошевский (1899 – 1976), Г. Улашин (1874 – 1956) и др.

Общелингвистические вопросы, проблемы смежных с языкознанием наук, особенно психологии и физиологии, занимают центральное место в научном наследии Бодуэна де Куртенэ. Для него характерен широкий взгляд на язык как явление одновременно физическое, физиологическое и психическое, а также индивидуальное и общественное.

Антиномия физиологического (физического) и психического в языке, волновавшая младограмматиков, сохраняет свою актуальность для Бодуэна и его последователей. Уже с самого начала своей научной деятельности Бодуэн, в противовес шлейхеровскому натурализму, подчеркивал, что язык не организм и его нельзя рассматривать отдельно от человека. «...Нас поражает, – писал он, – укоренившаяся привычка персонификации и вообще одухотворения понятия языка, человеческой речи, т.е. привычка рассматривать языки как особые существа, как «живые организмы», в отрыве от людей» (11, 342, т. II). Языковая жизнь индивида представляется Бодуэном в виде тройственной структуры: фонации (произнесения), аудиции (восприятия) и церебрации (процессов, происходящих в индивидуальном

мозговом центре). В работе «Об общих причинах языковых изменений» он так характеризует эти три направления речевой деятельности:

«1) В направлении от центра вовне – это работа двигательных моторных нервов, а также работа мускульная, выполнение движений, речь, фонация.

2) В направлении снаружи к центру мы имеем работу чувственных нервов, нервов сенситивных: напряжение чувственной впечатлительности, впечатлительности слуха, а в момент перехода в центр – направление и напряжение внимания на то, что слушается.

3) Наконец, в самом центре языковую работу составляют: внимание, память, сохранение разнообразия представлений и черпание из их запаса в случае необходимости. Это одновременно работа центральных нервов мозговой субстанции» (11, 226, т. 1).

Для Бодуэна «в языке сочетаются в неразрывной связи два элемента: физический и психический», жизнь языка основывается на процессах, разбор которых занимают физиология (с анатомией – с одной и с акустикой – с другой стороны) и психология, но в рамках языковедения как самостоятельной науки. И вместе с тем в антиномии физиологического и психического в языке преобладает психическое. Бодуэн считал, что «объяснение языковых явлений может быть только психологическим или в известных пределах физиологическим». Он еще в большей степени, чем младограмматики, указывал на психическую сущность языка, что дает основание многим историкам языковедения относить его к психологическому направлению в языкознании: «Сущность человеческого языка, – отмечал он, – исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» (11, 348, т. I). Но поскольку «психический мир не может развиваться без мира социального», то в языке кроме психической стороны следует отмечать всегда сторону социальную.

Бодуэн де Куртенэ находился под определенным влиянием учения Гумбольдта, поэтому в его работах находит собственное преломление антиномия Гумбольдта об индивидуальном и социальном (коллективном) в языке, тесно связанная у Бодуэна с антиномией языка и речи. Индивидуальный язык он рассматривал «как одну из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова». С одной стороны, Бодуэн говорил, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов», что существуют как психические реальности одни только индивидуальные языки. С другой стороны, он подчеркивал, что индивиды составляют данное языковое общество, что «индивид может развиваться в языковом отношении и вообще духовно только в обществе», в сношениях с другими индивидами. И в этом смысле язык имеет только тогда цену, «когда служит целям взаимного общения между людьми». Развивая положение Гумбольдта о языке как деятельности,

он считал, что язык и речь составляют такое взаимопроникающее единство, которое обуславливает реальность друг друга. Бодуэн обращал внимание «на различие речи человеческой вообще, как собрания всех языков... от отдельных языков, наречий и говоров и наконец от индивидуального языка отдельного человека, с другой же стороны – на различие языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующего только *in potentia* и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса, основывающегося на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам ему подобным, т.е. другим людям (язык – речь – слово человеческое)» (7, 154). Язык вообще (племенной, национальный, по терминологии Бодуэна) является «чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией», созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Индивидуальная речь – это конкретное проявление племенного или народного языка.

Бодуэн де Куртенэ выступал против проповедуемого младограмматиками универсально-исторического подхода к изучению фактов языка и отстаивал «описательное» исследование языка, разграничивая в связи с этим статику и динамику в языке. Это разграничение вошло впоследствии в лингвистическую концепцию Ф. де Соссюра как синхрония и диахрония. В отличие от Соссюра, который считал эти два аспекта противоположностями, Бодуэн признавал самостоятельность этих двух подходов к языку и специфику каждого из них. Под статикой он понимал явления, совершающиеся каждевременно в данном состоянии языка, под динамикой – изменения, которые совершаются в истории, на протяжении многих веков и в целом ряду говорящих поколений. Фактически уже в начале 80-х годов Бодуэн предлагает наряду со статикой и динамикой различать историю в языке. статика – описание и исследование того, что существует, без учета изменчивости; динамика – исследование и определение условий изменчивости, история констатирует изменения в языке. Динамика и история различаются между собой еще и тем, что динамика – это непрерывное развитие однородных явлений, находящихся в непосредственной причинной зависимости, тогда как история – это прерывистое развитие разнородных явлений, периоды которого связаны опосредованной причинностью. Бодуэн де Куртенэ, как и Гумбольдт, полагал, что каждая данная языковая система есть в одно и то же время и средство общения, и один из моментов исторического развития языка. В ней имеются и относительно устойчивые явления, и рудименты прошлого, и зародыши будущей системы. Бодуэн указывает на то, что не следует разрывать статику и динамику при изучении языка, что современные языковые явления станут понятными, «если спросить историю языка». Он писал: «Нет неподвижности в языке. Принимаемые, например, многими лингвистами одинаковые, неизменные корни, одинаковые, неизменные основы склонения, спряжения и т.д. во всех

родственных языках – есть ученая выдумка, ученая фикция и вместе с тем тормоз для объективного исследования. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» (11, 349, т. 1).

История языка имеет две стороны – внешнюю и внутреннюю. Внешняя история языка тесно связана с судьбами его носителей, с географическими, этнографическими, социальными факторами существования языка. Внутренняя история языка всегда находится в связи с физической и психической организацией говорящего на нем народа. Причины изменчивости языка вызываются как влиянием внешних факторов, так и внутренних: «стремлением к удобству», «бессознательным забвением», «бессознательным обобщением», «бессознательной абстракцией», то есть определяются психофизиологическим механизмом говорящего индивида.

Бодуэн де Куртенэ одним из первых выдвинул тезис о языке как системе взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, подчеркивая, что все элементы языкового мышления – фонетические, морфологические и семасиологические – «укладываются сами собою в группы и разряды». Систему языка он разбивает на подсистемы: фонетическую («фонетическую структуру слов и предложений»), морфологическую («морфологическую структуру слов») и синтаксическую («морфологическую структуру предложений»), понимая синтаксис как часть морфологии. Система языка в трактовке Бодуэна – категория историческая. В процессе исторического развития системность языка возрастает: в нем уменьшается число форм обособленных, не связанных друг с другом, их место занимают типовые формы. Понятие системности языка Бодуэн тесно связывал с понятием знаковости, рассматривая знаки языка как совокупность «множества случайных символов, связанных самым различным образом». По Бодуэну, подавляющее большинство слов человеческого языка – «лишь случайно возникшие символы». И как раз эта случайность представляется ему характерной чертой языка, при этом случайность есть форма проявления необходимости.

Бодуэн первым обратил внимание на историческую изменчивость основ склонения в индоевропейских языках. Основоположники сравнительной грамматики индоевропейских языков, рассматривая корни слов, признавали их неизменяющимися. Бодуэн же указал на то, что корни или основы слова подвергаются в языке постоянным изменениям, как фонетическим, так и под влиянием аналогии, что приводит к изменению границ между морфемами слова. А именно знание морфологических особенностей развития языка позволяет составить ясное представление о действии фактов, обуславливающих это развитие. Бодуэн прослеживает процессы переоформления морфологической структуры древних основ (переразложение и опрощение основы) в индоевропейских языках, начиная с

праязыка до появления отдельных языков. Результатом морфологического развития явилось полное смешение типов склонения, исчезновение категорий основ в их прежнем значении и появление новых основ.

К одной из главных заслуг Бодуэна де Куртенэ относят построение им теории фонемы и фонетических чередований. Он одним из первых в современной теории языкознания высказал мысль о несовпадении физических и функциональных свойств звуков, чем положил начало учению о фонеме и становлению фонологии как самостоятельного раздела лингвистики. Указывая на различие между звуком как продуктом вибрации органов речи и воздуха и фонемой как чисто лингвистическим элементом, он писал, что роль звуков в механизме языка, их значение для чуждого народа не всегда совпадает с соответственными категориями звуков по их физическому свойству. В первый период деятельности фонема понималась Бодуэном скорее как этимологоморфологическая единица, соотносящаяся с историческим чередованием звуков и возникающая вследствие действия звуковых законов и аналогии. Она трактовалась как обобщенный фонетический тип, как подвижный элемент морфемы. Объяснение фонетических изменений, проводимое Бодуэном на морфологическом уровне (*могу / можешь*), положило начало морфофонологии. Позднее он стал определять фонему как психическое представление звука: «Фонема – единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука – психический эквивалент звуков языка» (11, 271, т. 1).

Первым в России Бодуэн занялся типологическим изучением языков. Он считал, что изучение языков, имеющее дело с определением сходств и различий между ними, может основываться на выявлении этих черт независимо от генеалогических или исторических связей исследуемых языков. По его мнению, одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения можно находить в языках, чуждых друг другу и исторически, и географически. Выделение и сопоставление в языках независимо от степени их родства определенных функционально-структурных отношений, обнаруживающих общие черты, будет принято затем современными направлениями типологического изучения языков.

В период становления компаративизма сложилась традиция отождествления звуков и букв, объясняемая отчасти письменным характером древних памятников индоевропейских языков. В связи с этим Бодуэн выдвинул положение о принципиальном разграничении звукового и графического планов языка и подчеркнул значение звуковой стороны живых языков и их диалектов в познании законов функционирования языка. Вслед за младограмматиками, Бодуэн выступает за признание преимущества данных живых языков и диалектов над языковыми фактами письменных памятников различных эпох. Сам Бодуэн обошел Литву, Словению, Латвию, собирая диалектологический материал. Еще до выхода трудов Жильерона по

диалектологии Бодуэн читал лекции по славянской и балтийской лингвогеографии.

Многие идеи Бодуэна де Куртенэ были подхвачены и развиты в трудах его казанских учеников, в первую очередь это относится к рано умершему Н.В. Крушевскому и В. А. Богородицкому.

Крушевский всю свою недолгую жизнь посвятил главным образом вопросам общего языкознания, поскольку, по мнению Бодуэна, «видел всю свою задачу и вообще задачу лингвистов в высшем стиле в одних только обобщениях». Главной задачей языкознания Крушевский считал определение законов развития языка, а основным закон языка усматривал в «соответствии мира слов миру мыслей». Основными работами Н. В. Крушевского являются «Очерк науки о языке» (1883), посвященный важнейшим проблемам общего языкознания, и изданные посмертно «Очерки по языковедению. Антропофоника» (1893). Вслед за учителем, в изучении законов развития языка Крушевский уделяет много внимания системному и знаковому характеру языка, вопросам морфологической структуры слова, словообразования, семантическим связям слов, проблемам языка и речи, статики и динамики, типологии языков. Всеобщие законы развития языка он основывает на типологическом изучении фонетических систем, как наиболее доступных наблюдению, родственных и неродственных языков. Крушевский полагал, что существуют всеобщие звуковые законы, которые вызывают одинаковое изменение определенного звука в разных языках. Находя типологические параллели в фонетических системах неродственных языков, он подтверждает существование типовых универсалий как определенных свойств или признаков всех языков. Эти идеи Крушевского оказали большое влияние на становление современного течения в языкознании, связанного с изучением языковых универсалий.

Стремление к сопоставительному изучению родственных и неродственных языков характерно и для работ В. А. Богородицкого, в которых наиболее ярко отразились «типичные» общетеоретические положения Казанской школы. В работе «Очерки по языковедению и русскому языку» (1901) он развил учение Бодуэна об историческом изменении границ между морфологическими элементами слова, происходящем в результате аналогии, дифференциации, опрощения и переразложения. В исследованиях по сравнительной грамматике индоевропейских языков Богородицкий уделил главное внимание определению хронологической последовательности явлений языка, показал диалектное членение в области фонетики для отдельных ветвей индоевропейской семьи языков в доисторический период. Прежде лингвисты брали за основу сравнения хронологически не сопоставимые древнейшие письменные памятники, пренебрегая последующим развитием языков и как бы выхватывая лишь один из моментов истории этих языков. А между тем, по мнению Богородицкого, характер языка определяется всем ходом его истории, поэтому необходимо следить в хронологической

последовательности за всем ходом его развития до настоящего времени. Развивая типологические идеи Бодуэна, Богородицкий проводит изучение общих структурных черт как в родственных, так и в неродственных языках, характеризуя, например, соотношения звуковых систем русского и татарского языков. В. А. Богородицкий является одним из основоположников экспериментальной фонетики. Им была создана при Казанском университете первая в России экспериментально-фонетическая лаборатория.

Таким образом, круг проблем и задач общего языкознания, которые решали в своих трудах представители Казанской лингвистической школы, обширен: язык как система, знаковая теория языка, психофизиологическая организация языка, психофизиологическая и социальная обусловленность языковых изменений, законы и причины языкового развития, теория фонем и морфонологических изменений, типология языков. Идеи Казанской школы в решении этих вопросов оказали огромное влияние на формирование современных структуралистских течений. Во многих аспектах исследования языка казанцы превзошли младограмматическую методологию и тем самым создали реальные предпосылки для возникновения и развития новых лингвистических течений, методов и приемов изучения языка.

РЕПОЗИТОРИЙ БГМУ